

УДК 101.1

DOI: 10.34670/AR.2022.52.45.021

Некритическое отношение к обыденному сознанию и социальные заблуждения

Качабеков Амурбек Гасанбекович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания
Дагестанского государственного университета,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Шамиля, 16;
e-mail: amurbek65@mail.ru

Рамазанов Магарам Рагимович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Дагестанского государственного медицинского университета,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Шамиля, 44;
e-mail: magaramr@rambler.ru

Велиев Омар Велиханович

Кандидат философских наук,
доцент общеуниверситетской кафедры социогуманитарных дисциплин
Дагестанского государственного педагогического университета,
367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57;
e-mail: googween@gmail.com

Халиков Абдулхалик Султансаидович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Дагестанского государственного медицинского университета,
367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Шамиля, 44;
e-mail: abdulhalik1966@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу некоторых внутренних источников социальных заблуждений, связанных с некритическим отношением к обыденному сознанию, являющихся одной из предпосылок социальной науки. Обосновывается необходимость критической ориентации по отношению к обыденному сознанию, характерным для него картинам реальности, «архетипам», схемам мышления, способам интерпретации социальных явлений и максимально полного использования рационального содержания обыденного сознания для предотвращения возникающих в социальных исследованиях заблуждений. Анализируются различные факторы, оказывающие негативное влияние на

социальное познание. Авторы отмечают, что широкому внедрению заблуждений в обыденное сознание, а при некритическом отношении к нему – и в социальное познание способствуют в современном обществе средства массовой информации, распространяющие мифы, измышления, оболванивающие массы в духе пещерного, махового антикоммунизма. Назойливое повторение одних и тех же словесных клише, стандартных выражений, эмоционально окрашенных пропагандистских образов приводит к тому, что значительная часть аудитории, зрителей и читателей начинает верить, будто они соответствуют реальным явлениям. Срабатывает механизм эффективного внушения, наполняющий массовое сознание заблуждениями, которые нередко разделяют и обществоведы.

Для цитирования в научных исследованиях

Качабеков А.Г., Рамазанов М.Р., Велиев О.В., Халиков А.С. Некритическое отношение к обыденному сознанию и социальные заблуждения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 1А. С. 165-177. DOI: 10.34670/AR.2022.52.45.021

Ключевые слова

Здравый смысл, обыденное сознание, некритическое отношение, социальные заблуждения.

Введение

Обыденное сознание, формирующееся как стихийное отражение условий повседневной социальной жизни, которым люди пользуются в разнообразных видах деятельности, можно рассматривать как необходимую предпосылку специализированного познания, осуществляемого исследователями-профессионалами. Ядром обыденного сознания является так называемый здравый смысл, охватывающий характерные для множества индивидов, выступающие очевидными, не нуждающимися в доказательстве, рациональные представления, выражающие практическое отношение к действительности, своеобразно программирующие, регулирующие социальную деятельность. Здравым смыслом руководствуются не только массовые индивиды – он присущ и социальным исследователям как членам того или иного общества на определенном этапе его развития.

Нет никаких оснований для абсолютного противопоставления социальной науки и обыденного сознания, здравого смысла. Ведь социальные исследователи в значительной мере пользуются тем же языком, на котором общаются, интерпретируют, оценивают факты, явления повседневной социальной жизни рядовые индивиды. Специфика социального познания заключается в том, что здесь концептуализируются, переводятся на «научный» язык, обосновываются формирующиеся в обыденном сознании представления о некоторых явлениях, процессах. В некоторых случаях именно апелляция к очевидностям здравого смысла оказывается почти единственным способом «обоснования» определенных положений социальной науки. С позиций здравого смысла иногда пытаются доказать несостоятельность определенных положений социальных наук или опровергнуть их. Влияние здравого смысла испытывают некоторые эпистемологические, методологические установки в социальных науках – особенно, если имеет место сознательная ориентация на максимальное использование когнитивного потенциала обыденного сознания.

Основная часть

Влияние обыденного сознания на социальную науку не поддается однозначной оценке. Положительное влияние обыденного сознания может быть связано, в частности, с тем, что ему приходится наблюдать явления повседневной жизни во всем богатстве их оттенков, во всей их противоречивости. Оно может вносить в социальное познание своеобразный реализм, трезвость в понимание некоторых процессов, готовность считаться с реальными фактами, избегая субъективизма, теоретического произвола, гипостазирования некоторых абстракций, идеальных типов, формулировок «законов» и т.д. Здравый смысл может побуждать социальных исследователей к размышлениям об онтологическом статусе используемых ими понятий, теоретических конструктов, моделей. Здравый смысл может уловить некоторые связи, зависимости в социальной реальности, на него опираются при выдвижении соответствующих познавательных задач и формулировке необходимых для их решения гипотез, теоретических положений. Поэтому и важно максимально полно использовать рациональное содержание здравого смысла. Вместе с тем необходима критическая установка по отношению к представлениям обыденного сознания, рефлексия над характером, последствиями использования в социальных науках создающихся в нем предпосылок (языка, схем, стереотипов социального мышления, ценностных ориентиров, ожиданий, мотивов поведения и т.д.). Однако критическая установка по отношению к обыденному сознанию не всегда имеет место, в результате чего и возникают многие социальные заблуждения. Нередко социальные исследователи не могут подняться выше предрассудков, заблуждений обыденного сознания. А в их «научных» трудах фактически происходит кристаллизация ошибочных обыденных представлений, облекаемых иногда в наукообразную форму.

В некоторых случаях социальные исследователи явно приспосабливаются к уровню обыденного сознания, его познавательным потребностям (примитивным, как правило), упрощенным схемам мышления. Упрощенный взгляд на многие социальные явления, предполагающий их искажение, характерен особенно для научной публицистики, ориентирующейся на «массового» человека. Упрощенный подход распространяется и на такие социальные явления, удовлетворительное объяснение которых требует проведения десятков комплексных исследований. Вот что утверждает, например, относительно тоталитаризма Ю. Шрейдер: «...тоталитаризм – это простейший механизм закабаления людей и не требует глубокого анализа... Тоталитаризм нуждается в некомпетентных исполнителях, в понижении уровня культуры до самого мизерного, прожиточного уровня. Все это довольно тривиально и сводится к банальным истинам: тоталитаризм требует от человека примитивности (отказ от культурных рефлексов, подавление духовных стремлений), и к этому, по сути, сводится механизм его действия и возникновения, путем апелляции к люмпенским элементам во всех социальных слоях, в душах которых вместо любви к Богу (совесть) зияет пустота. Так что объяснение тоталитаризма столь же банально, как его притязание...» [Шрейдер, 1992, 205]. Вряд ли надо говорить, насколько примитивным, вульгарным является это «банальное» объяснение, сводящее механизм возникновения и действия тоталитаризма к «отказу от культурных рефлексов, подавлению духовных стремлений», игнорирующее социально-политические и экономические, идеологические, культурные, социально-психологические и прочие причины возникновения и сохранения тоталитаризма с различными его вариантами («правым», то есть фашистским, и «левым», социалистическим).

Примитивные, вульгарные объяснения порождаются отчасти ценностным отношением к тем или иным социальным явлениям: от «неприятных» явлений хотели бы быстрее отделаться, ограничившись несколькими понятными для всех и вместе с тем яркими саркастическими репликами, колкостями, «уничтожающими» суждениями, оценками, так и не производя тщательного анализа таких явлений.

Формирование упрощенных представлений о социальных явлениях, обилие вульгарных объяснений их определяется в некоторой степени засильем в духовной жизни современного общества так называемой «массовой» культуры с характерной для нее тенденцией приспосабливаться к грубым, даже низменным инстинктам и потребностям, интересам массовых индивидов. Важнейшей функцией «массовой» культуры, подчиняющейся получению максимальной коммерческой прибыли, является развлечение тех, кто ее потребляет. Она пытается увести их от тяжелых, сложных проблем, противоречий общественной жизни, даже не пытаясь заглянуть в глубокие слои социальной реальности, ограничиваясь «интересными» для обывателя сюжетами и образами. Современная «массовая» культура, которая никак не способствует духовному обогащению личности (а духовно калечит ее), несомненно, сказывается на уровне познавательных потребностей и способностей массовых индивидов, восприятию ими тех или иных элементов социального знания.

В значительной мере под влиянием обыденного сознания формируется у социальных исследователей негативное отношение к социальному детерминизму. Такое отношение обыденного сознания как широких масс, так и многих социальных исследователей к социальному детерминизму, очевидно, имеет ценностные основания или мотивы. Дело в том, что многим кажется, будто признание детерминирующей роли складывающихся за спиной рядовых участников социального взаимодействия объективных общественных отношений, структур, спонтанных социальных процессов, скрытых от внимания масс функций социальных институтов, довлеющих над ними социальных сил ведет якобы к умалению роли человеческой свободы, свободы выбора, творчества и т.д. Если бы в социальном познании была развита критическая установка по отношению к обыденному сознанию, там догадались бы, что негативное отношение к социальному детерминизму, «объективистским» методам социального исследования в современную эпоху имеет социально-культурную детерминацию.

Следует учитывать также рост морального релятивизма, цинизма, «высвобождение» некоторых инстинктов человека, явное ослабление ориентации на какие-то моральные, политические, правовые, религиозные абсолюты, идеологические догмы, расширение возможности самоутверждения, самореализации личности. Все это ведет к неприятию идеи социального детерминизма, отрицанию необходимости раскрытия роли объективных социальных структур, спонтанных социальных процессов, о которых не догадываются массовые индивиды, а попытки исследовать их объективными методами объявляются нередко уступкой натурализму, позитивизму или марксизму.

Надо принимать во внимание и особенности конкретной исторической ситуации в развитии определенного общества. Когда общество пребывает в состоянии длительного устойчивого равновесия, когда его жизнедеятельность в достаточной мере упорядочена, организована на рациональных началах, воплощаемых во многих социальных институтах, больше убеждаются в существовании здесь объективных необходимых причинно-следственных, структурно-функциональных и других связей. А когда же общество переживает переходный период, с преобладанием элементов хаоса, когда в нем происходят неожиданные социальные изменения

и кажется невозможным предсказать даже ближайшее будущее, обыденное сознание проникается иррационалистическими элементами, уповая, например, на счастливую судьбу, везение, случайное стечение обстоятельств. Понятно, что соответствующие умонастроения также толкают к отрицанию социального детерминизма.

Обыденное сознание масс и социальных исследователей в периоды трансформации общественных отношений, как правило, склонно рассматривать многие социальные явления с позиций «здесь и сейчас», будучи прикованным к «текущему моменту» без выявления необходимой связи данного состояния с предыдущими состояниями общества, без обнаружения некоторых форм повторяемости, регулярностей в его развитии, каких-то инвариантов в нем, что тоже оказывается одним из источников заблуждений, прежде всего относительно перспектив будущего развития данного общества.

Общей для обыденного сознания и специализированного социального знания оказывается нередко персонификация социальных структур, институтов, процессов и событий, когда они выводятся из морально-психологических, интеллектуальных, эмоционально-волевых качеств отдельных персон – политических лидеров, вождей, функционеров аппарата управления, выдающихся деятелей культуры и т.д. Не отрицая определенной роли личностных свойств политических лидеров, функционеров, мотивов принятия ими некоторых решений, оказавшихся «судьбоносными», надо вместе с тем учесть объективные признаки экономической, политической, культурной, ценностно-нормативной, духовной подсистем общества, состояния общественного сознания, на которые они воздействовали. При этом надо признать, что определенные решения политических лидеров, действия правящей элиты составили своеобразный «пусковой механизм», включивший необратимые процессы (в основном разрушительного характера), предпосылки для возможного развертывания которых вызревали еще в так называемое «застойное» время. Раскрытие внутренней логики этих социальных процессов в их взаимосвязи является гораздо более сложной и важной познавательной задачей, нежели выяснение роли тех или иных политических лидеров в направленности происходивших у нас за последнее время трансформационных процессов. Продуктивный научный анализ характера, последствий влияния виднейших представителей политической элиты на эти процессы, видимо, предполагает еще выявление промежуточных звеньев, посредствующих структур между ними и населением страны в различных ее регионах, функционирующими там властными структурами, социальными институтами и т.д.

К тому же надо иметь в виду, что роль личностных свойств политических лидеров, функционеров высших органов власти неодинакова в различных ситуациях общественной жизни: она значительна в кризисных ситуациях, в периоды политической, социально-экономической нестабильности, напряженной борьбы за власть, радикальных социальных преобразований, смены ценностных ориентиров, выработки стратегии дальнейшего развития общества; а когда же общество пребывает в состоянии устойчивого благополучия на основе эффективной рыночной экономики, в достаточной мере развитых институтов демократии, гражданского общества, то не имеют особого значения личностные свойства политических лидеров. Роль выдающихся личностей, можно сказать, зависит от возможностей рациональной самоорганизации, саморегуляции, самоуправления общества в состоянии устойчивого равновесия. В любом случае недопустима абсолютизация роли таких личностей в развитии общества, что весьма характерно для обыденного сознания.

Обыденное сознание ограничивается видимостью, непосредственно наблюдаемым,

очевидным, легко схватывает лежащее на поверхности общественной жизни, прежде всего на микроуровне ее. Соответствующие микроуровню картины реальности, схемы мышления, обыденное сознание масс, а также социальных исследователей, не обнаруживающих критической установки по отношению к нему, иногда проецируют на большое общество, макросоциальные образования.

Характерные для обыденного сознания масс «архетипы», праформы, схемы мышления иногда «работают» и в психике социальных исследователей, если даже те пытаются дистанцироваться от неспециализированного сознания масс. Так, в годы «перестройки» и «реформ» у многих авторов, ориентирующихся на западные, либерально-демократические ценности, почти все явления, институты советского (тоталитарного) общества «государственно-казарменного» социализма, которым приписывался знак «минус», абсолютно противопоставлялись западным институтам, образцам со знаком «плюс», что не могло не вести к определенному упрощению, даже искажению их сущности (иногда и умалчивались многие негативные стороны западного образа жизни). Эмоциональное неприятие всего советского и вместе с тем бездумное преклонение перед западными стандартами, институтами до сих пор встречается у некоторых наших обществоведов, что вряд ли может способствовать объективно-научному анализу соответствующих реальностей. Своеобразное «переворачивание», выдвижение совершенно альтернативных установкам «классического» (прежде всего, марксистского) обществоведения эпистемологических, методологических установок тоже встречается в современном, так называемом «неклассическом» общественном знании. «И вот теперь, под напором внезапно обрушившейся жизни начался великий «отказ», великий пересмотр старых принципов, но чаще всего это пока просто «переворачивание» методологических подходов на противоположные, при которых воспроизводятся старые схемы познания и мышления с обратным знаком. Стремительно стала исчезать единственность истины, сменяемая идеей плюрализма и даже утверждениями, что нет различия между истиной и неистиной, хорошим и плохим, добром и злом. Хотя подобные формы осознания реальности действительно присущи постнеклассическому (постмодернистскому) социально-культурному проекту, но на российской почве эстетический нигилизм постмодернизма, «черпание воли к культуре» в «воле к жизни» (термины Н. Бердяева) – посредством обращения к традициям андерграунда – окрашивается нередко в карикатурные тона...», – пишет В.Г. Федотова [Федотова, 1992, 48].

Можно усомниться в том, что такого рода «переворачивание» методологических установок, утверждение крайнего релятивизма в эпистемологии, скатывание к плюрализму истины преградит путь заблуждениям в социальном познании и что последнее вообще может называться «научным». В основе некоторых социальных заблуждений может лежать своеобразный «эффект ореола», имеющий место при формировании образов определенных социальных институтов, явлений, политических лидеров и т.д., когда отсутствует достаточная информация о них, вследствие чего общие впечатления о них (положительные или отрицательные) начинают сказываться на последующем формировании не совсем адекватных представлений о социальном назначении, функциях, последствиях их. В годы «перестройки» и «реформ» подобным «ореолом» в сознании масс и ученых оказался окружен образ рынка: стали верить в чудесные свойства рынка, способного принести изобилие в каждый дом, резко поднять жизненный уровень всего населения, способствовать демократизации общественной жизни. Сложившийся в сознании масс и некоторых обществоведов образ либеральной демократии (западного типа) таков, что именно такая демократия способна якобы обеспечить свободу,

расцвет культурного, научного и художественного творчества, духовное, нравственное возрождение общества (что тоже оказывается досадным заблуждением).

Бывает и так, что в общественном сознании с самого начала складывается отрицательный «ореол» какого-нибудь социального явления, и тогда наблюдается гипертрофированное внимание к его недостаткам, замечаются только отрицательные функции, хотя в действительности данное явление имеет также положительные функции. Конечно же, массовое сознание не утруждает себя тщательным анализом всего спектра функций – следствий фетишизируемого явления, которые могут быть со знаком «плюс» и «минус», которые возникают на различных уровнях и в различных сферах общественной жизни.

Для развития критического отношения к схемам мышления, ценностным установкам, стереотипам, «архетипам» обыденного сознания, безусловно, необходимо, чтобы предметом специальных исследований стали обыденное сознание, здравый смысл, а также социальная повседневность, где и функционирует, воспроизводится обыденное сознание. Обращение к социальной повседневности, «жизненному миру» рядовых индивидов, их обыденным представлениям, к языку, на котором они выражаются, нередко мотивируется желанием преодолеть «дегуманизирующий» характер прежних схем, методов объяснения «классической» социальной науки, подверженной влиянию «натурализма», позитивизма, рационализма, «прогрессизма» Просвещения.

«Исторически наука об обществе конструировалась, дискредитируя обыденное знание, сознание и ментальность, сводя их к предрассудкам и суевериям. Стремясь нарисовать объективную картину мира, наука исключала субъективную точку зрения. Но этих целей она достигала путем превращения изучаемых жизненных практик в мертвый корпус данных, изолированных от того живого контекста, в котором они реально функционируют. Более того, в дальнейшем эти данные подвергались переинтерпретации. Переводились в «чистый научный дискурс» и оценивались в терминах рациональных норм. В результате неизменно преобразалась (искажалась) картина повседневной жизни», – утверждает Н.Н. Козлова [Козлова, 1992, 50].

Действительно, под определенным влиянием естественнонаучной методологии в социальных науках имело место некоторое пренебрежение социальной повседневностью и вплетенными в нее обыденным сознанием, субъективными значениями «социальных вещей». Недостаточно внимания уделялось мотивационно-смысловой сфере социальной действительности. Из поля зрения некоторых исследователей выпадал «человек с улицы», рядовые участники социального действия. Мало интересовались, каковы их помыслы, мнения, чувства, настроения, страсти, мотивы и установки поведения. Хотя для всех было очевидно, что любые социальные институты, структуры, процессы складываются на основе повседневной социальной деятельности массовых индивидов, их взаимодействия или общения, однако этот исходный уровень (пласт) социальной реальности не всегда удостоивался должного внимания социальных исследователей. В результате некоторым теоретическим построениям не хватало реализма, ориентации на проверку, испытание тех или иных утверждений фактами повседневной действительности.

Надо учитывать, что неизбежное влияние на социальное познание, ценностные установки и мышление социальных исследователей обыденно-практического познания порождает два способа понимания (объяснения) социальных явлений, которые Маркс называл экзотерическим и эзотерическим. Эзотерический способ понимания выявляет скрытую структуру социальной

системы, внутреннюю связь категорий, действительную «физиологию» общества [Маркс, Энгельс, 1963, 177].

Экзотерический способ «смотрит на вещи глазами агента капиталистического производства и изображает их совершенно так, как они представляются этому последнему и им мыслятся, как они определяют его практическую деятельность и как они по видимости происходят на деле...» [там же, 237].

Производство экзотерических объяснений представлялось для Маркса одним из важнейших требований познавательного идеала, в то же время он придавал большое значение критике различных экзотерических представлений, различных форм ложного, иллюзорного, фетишистского знания.

Следует отметить, что герменевтическое, феноменологически ориентированное направление, так называемая этнометодология, «социология повседневности» и другие подобные им направления в современном социальном познании, как правило, не занимаются критикой заблуждений обыденного сознания и даже отказываются признавать принципиальное различие между наукой и обыденным сознанием, здравым смыслом, соответствующими интерпретациями. Указанные направления рассматривают социальное познание прежде всего как анализ сознания, причем сознания обыденного. Однако невозможно судить о сущности тех или иных общественных отношений по отражающему их сознанию (тем более обыденному), в котором всегда имеются какие-то иллюзии, заблуждения. По мнению видного представителя так называемой этнометодологии Гарфинкеля, общество – это рефлексивный процесс понимания: структуры социальной деятельности существуют лишь постольку, поскольку они интерпретируются, «понимаются» деятельными индивидами...» [Ионин, 1979, 153].

Социальные структуры рассматриваются как структуры обыденных значений: «Поскольку мир состоит из таких значений, социология, стремящаяся достичь организованного знания социальной реальности, должна уметь учитывать и анализировать значения, из которых возникают социальные действия» [Осипов, 1977, 424].

Феноменологически ориентированная социология отрицает объективное существование социальных структур. Понятие социальной структуры может относиться только к обыденным представлениям индивидов о социальной структуре, ибо она не обладает собственной природой, независимой от этих представлений [там же, 109].

Для феноменологической социологии характерно преувеличение роли языка, который считается даже своеобразной субстанцией социальной жизни. Утверждают, что с помощью языка люди производят единственную реальность, что говорящий конституирует для себя и собеседника фрагмент действительности, свой сущностный мир, существующий лишь в форме субъективных представлений, объективируемых общественным языком [Бутенко, 1987, 102]. Считают, что принимаемые нами в качестве объективных черты социальной реальности объективны лишь потому, что мы выражаем их в объективных категориях, то есть в терминах их общих свойств; именно типизации обыденного языка, с помощью которых описывается уникальный, или личный, опыт, придают ему мнимообъективное выражение. По утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, и профессиональный социолог, и обыденный социолог (т.е. рядовой участник социального взаимодействия) идентичны в своей повседневной социальной деятельности: оба конституируют социальный мир в своих описаниях и рассуждениях [там же, 35].

Представители феноменологической социологии считают, что традиционная социология, использующая чуждые жизненному миру методы и средства описания, оказывается

«эзотерической игрой», которую разыгрывает отчужденное меньшинство (традиционные социологи) на интеллектуальной обочине. [там же, 47]. Они выдвигают критерий обоснованности социологических объяснений, который задерживает их на уровне обыденного сознания, утверждают, что обоснованность обеспечивается тогда, когда достигается преемственность и совместимость социологических объяснений и обыденных интерпретаций, выдвигаемых самими «участниками». Соблюдение такого критерия «обоснованности», видимо, приведет к насыщению социального знания заблуждениями, возникающими в обыденном сознании.

Следует признать, что феноменологическая социология сформулировала немало проблем, требующих научного решения. Это – формирование картины мира в обыденном сознании, речевое взаимодействие индивидов в социальной повседневности, характер влияния языка на интерпретацию смыслов, значений социальных явлений, роль предположений и «фоновых ожиданий» в процессе понимания, приписывание участниками взаимодействия значений своим собственным и чужим мыслям, объектам, событиям и др.

К обильному проникновению заблуждений в социальное познание могут привести так называемые «постмодернистские» веяния в философии социальных наук, предполагающие заигрывание с обыденным сознанием, игнорирование принципиальных различий между социальной наукой и здравым смыслом, отрицающие за социальными исследователями право вещать с позиций «научного превосходства», определяя, что истинно, а что ложно» [Козлова, 1992, 47-56].

Развитие «постмодернистской, интерпретирующей» социологии, которая, как утверждает З. Бауман, «отказывается от права выносить приговоры непрофессиональному знанию и, в частности, от «корректирования» здравого смысла» [Бауман, 1993, 55], в определенной мере связано с тенденцией демократизации современной общественной жизни, ведущей к неприятию всякой элитарности, «аристократизма духа», утверждающей идеи плюрализма, равноправия самых разных точек зрения в интеллектуальном освоении социального мира, когда никто не имеет права претендовать на особый, привилегированный статус. Однако в данном случае не учитывается, что подлинная демократизация общественной жизни, неотделимая от ее рационализации, не может основываться на заблуждениях обыденного сознания, а предполагает систематическую их критику и преодоление в практической деятельности.

Необходимость критического отношения к обыденному сознанию, здравому смыслу, общему для индивидов и социальных исследователей, можно обосновать уже тем, что в силу ряда обстоятельств они просто не замечают, не задумываются над некоторыми социальными фактами, процессами. Так, глубокий анализ экономики социализма дал венгр Янош Корнай [Корнай, 1990; Корнай, 2000], у которого появилась возможность работать в США, сравнивать две противоположные экономические системы. Существенные особенности социалистической экономики оставались «неизвестными», непонятыми не только для рядовых агентов хозяйства, но и для отечественных ученых-экономистов с их идеологической зашоренностью, податливостью партийно-идеологическому контролю. Термин «командная экономика», выражающий важную сторону самой сути советской системы хозяйствования, впервые употребил не Г. Попов, а американский советолог Г. Гроссман [Кудров, Тремль, 2000, 65]. Еще до Второй мировой войны советологи стали сравнивать советскую экономику с военной.

Первым это сделал известный польский экономист-марксист О. Ланге, который жил в те годы в США. Как писал канадский советолог З. Фалленбух, «советскую экономическую систему часто сравнивают с "военной экономикой", поскольку она концентрирует все ресурсы на

достижении нескольких главных целей в условиях всеобщего дефицита, мобилизует все силы и ресурсы, невзирая на затраты. Так случается в любой стране во время войны...» [Кудров, Тремль, 2000, 65].

Советологи отмечали дефицитарный характер «мобилизационной» экономики, принятие здесь политически и идеологически ориентированных инвестиционных решений, невозможность правильного выбора цели, достижение «насищенного роста на основе искусственно создаваемых диспропорций», предпочтение накопления потреблению, искусственную ориентацию накопления на всемерное увеличение производства средств производства, сползание к ресурсопожиранию, расточительности, ко все большей неэффективности, в конечном счете – к замедлению темпов роста и краху всей экономики [там же, 64-75]. Для рядовых участников экономических отношений, а также для почти всех советских ученых-экономистов отмеченные существенные особенности социалистической экономики как будто и не существовали – они разделяли заблуждения, коренным образом искажавшие сущность тогдашних экономических отношений. Преимущество советологов в адекватном понимании их было связано не только с объективным «взглядом со стороны», возможностями использования информации, почти недоступной советским ученым, – они в своих анализах использовали понятия, модели, отсутствующие в быденном языке «участников» и в «научном» языке советских экономистов, целенаправленно критиковали заблуждения официальной советской идеологии и оказавшейся ее «превращенной» формой политической экономии социализма.

Известно, что социальная наука заимствует много понятий из быденного языка, и это естественно. В текстах социальных наук можно найти множество рассуждений, понятных и для более или менее образованных рядовых индивидов, соответствующих языковым форм. Однако социальная наука, если она желает соответствовать своему названию, должна использовать и специальные понятия, теоретические конструкторы, которые неизвестны рядовым индивидам, без которых невозможно раскрывать генетические, причинно-следственные, системно-структурные, структурно-функциональные и другие связи, тенденции развития в социальной реальности.

Заключение

Характерные для здравого смысла интерпретации социальных явлений имеют, как правило, прагматическое значение, подчиняются потребностям повседневной практической деятельности. Здравый смысл ценит в социальном познании его инструментально-практическую функцию, пригодность для повышения уровня рациональности или эффективности социальной деятельности. Он ориентирует социальное познание на выявление тех причин, факторов, условий функционирования изучаемых явлений, которые поддаются целенаправленному манипулированию, оптимизации в данной социальной ситуации. Такой подход к социальным явлениям обычно порождает объяснения ущербные или содержащие в себе некоторые заблуждения. А полноценное объяснение наряду с факторами, поддающимися сознательному регулированию, манипулированию в данной ситуации, должно принимать во внимание также факторы, долговременно и спонтанно действующие, не поддающиеся сознательной регуляции (такие, например, как стихийно складывающиеся отношения собственности, распределения, скрытые механизмы «рынка власти», «генотип» национальной культуры, особенности национального менталитета и т.п.).

Широкому внедрению заблуждений в обыденное сознание, а при некритическом отношении к нему – и в социальное познание способствуют в современном обществе средства массовой информации, распространяющие выгодные для мафиозно-олигархических групп или властвующей элиты мифы, измышления, оболванивающие массы в духе пещерного, махового антикоммунизма. Назойливое повторение одних и тех же словесных клише, стандартных выражений, эмоционально окрашенных пропагандистских образов приводит к тому, что значительная часть аудитории, зрителей и читателей начинает верить, будто они соответствуют реальным явлениям. Срабатывает механизм эффективного внушения, наполняющий массовое сознание заблуждениями, которые нередко разделяют и обществоведы.

Библиография

1. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 55.
2. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности. Горизонты и тупики феноменологической социологии. М., 1987. С. 102.
3. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., 1979. С. 153.
4. Козлова Н. Социальная повседневность: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47-56.
5. Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. №3. С.50
6. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.
7. Корнаи Я. Социалистическая система Политическая экономия коммунизма. М., 2000. 672 с.
8. Кудров В., Тремль В. Достоинства и недостатки западной экономической советологии // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 65.
9. Кудров В., Тремль В. Достоинства и недостатки западной экономической советологии // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 65.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. II. М., 1963.
11. Осипов Г.В. Новые направления в социологической теории. М., 1977. 424 с.
12. Федотова В.Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 48.
13. Шрейдер Ю. Поиски христианских основ демократии // Новый мир. 1992. № 1. С. 205.

Uncritical attitude to ordinary consciousness and social delusions

Amurbek G. Kachabekov

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of ontology and theory of knowledge,
Dagestan State University,
367000, 16 Shamilya st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: amurbek65@mail.ru

Magaram R. Ramazanov

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of philosophy and history,
Dagestan State Medical University,
367000, 44 Shamilya st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: magaramr@rambler.ru

Omar V. Veliev

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the All-University Department
of socio-humanitarian disciplines,
Dagestan State Pedagogical University,
367000, 57 M. Yaragского st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: googween@gmail.com

Abdulkhalik S. Khalikov

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of philosophy and history,
Dagestan State Medical University,
367000, 44 Shamilya st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: abdulxalik1966@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of some internal sources of social delusions associated with an uncritical attitude to everyday consciousness, which is one of the prerequisites of social science. The necessity of a critical orientation in relation to everyday consciousness, its characteristic pictures of reality, "archetypes", patterns of thinking, ways of interpreting social phenomena and the fullest possible use of the rational content of everyday consciousness to prevent misconceptions arising in social studies is substantiated. Various factors that have a negative impact on social cognition are analyzed. The authors note that the widespread introduction of delusions into everyday consciousness, and with an uncritical attitude towards it, into social cognition is facilitated in modern society by the media, which spread myths, fabrications, fooling the masses in the spirit of cave, terry anti-communism. The annoying repetition of the same verbal cliches, standard expressions, emotionally colored propaganda images leads to the fact that a significant part of the audience, spectators and readers begins to believe that they correspond to real phenomena. The mechanism of effective suggestion works, filling the mass consciousness with delusions, which are often shared by social scientists.

For citation

Kachabekov A.G., Ramazanov M.R., Veliev O.V., Khalikov A.S. (2022) Nekriticheskoe otnoshenie k obydenному soznaniyu i sotsial'nye zabluzhdeniya [Uncritical attitude to ordinary consciousness and social delusions]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (1A), pp. 165-177. DOI: 10.34670/AR.2022.52.45.021

Keywords

Common sense, ordinary consciousness, uncritical attitude, social delusions.

References

1. Bauman Z. (1993) *Filosofiya i postmodernistskaya sotsiologiya* [Philosophy and postmodern sociology]. *Voprosy filosofi*

-
- i[Questions of Philosophy], 3, pp. 55.
2. Butenko I.A. (1987) *Sotsial'noe poznanie i mir povsednevnosti. Gorizonty i tupiki fenomenologicheskoi sotsiologii* [Social cognition and the world of everyday life. Horizons and dead ends of phenomenological sociology]. Moscow, p. 102.
 3. Fedotova V.G. (1992) Klassicheskoe i neklassicheskoe v sotsial'nom poznanii [Classical and non-classical in social cognition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 4, p. 48.
 4. Ionin L.G. (1979) *Ponimayushchaya sotsiologiya. Istoriko-kriticheskii analiz* [Understanding sociology. Historical and critical analysis]. Moscow, p. 153.
 5. Kornai Ya. (1990) Defitsit [Deficit]. Moscow: Nauka Publ.
 6. Kornai Ya. (2000) *Sotsialisticheskaya sistema Politicheskaya ekonomiya kommunizma* [Socialist system Political economy of communism]. Moscow.
 7. Kozlova N. (1992) Sotsial'naya povsednevnost': pereotsenka tsennostei [Social everyday life: reassessment of values]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, pp. 47-56.
 8. Kozlova N.N. (1992) Sotsiologiya povsednevnosti: pereotsenka tsennostei [Sociology of everyday life: reassessment of values]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, S. 50
 9. Kudrov V., Treml' V. (2000) Dostoinstva i nedostatki zapadnoi ekonomicheskoi sovetologii [Advantages and disadvantages of Western economic Sovietology]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 11, p. 65.
 10. Kudrov V., Treml' V. (2000) Dostoinstva i nedostatki zapadnoi ekonomicheskoi sovetologii [Advantages and disadvantages of Western economic Sovietology]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 11, p. 65.
 11. Marks K., Engel's F. (1963) *Sochineniya* [Works], 26(II), Moscow.
 12. Osipov G.V. (1977) *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii* [New trends in sociological theory]. Moscow.
 13. Shreider Yu. (1992) Poiski khristianskikh osnov demokratii [Searching for the Christian foundations of democracy]. *Novyi mir* [New World], 1, p. 205.